

Мо Ли спокойно послушал удаляющийся шум и сказал:

— Если ты действительно хочешь быть со мной, я тоже подумаю об этом. Наша жизнь намного длиннее человеческой, будь то любовь или ненависть, они будут растягиваться на бесконечные годы. Мне нужно подумать, и тебе тоже стоит подумать.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

На улице слышались беспорядочные шаги, но они раньше не обращали на это внимания.

Однако дверь не была заперта, и вошедший не ожидал, что они уже легли спать так рано. Видимо, у него были дела, поэтому он постучал и сразу вошёл. В комнате не было ширмы, чтобы скрыть вид, и он увидел, как Мо Ли накинул верхнюю одежду и надел обувь, а Мэн Ци всё ещё лежал на кровати с растерянным выражением лица.

Нин Чаньюань: «...»

Кажется, его догадки подтвердились.

Нин Чаньюань быстро развернулся и вышел за дверь, постоял немного под крышей, затем снова постучал.

Дверь со скрипом открылась.

Мо Ли, поправляя рукава, спросил:

— Даос Нин, что случилось?

Он вёл себя спокойно, совершенно не смущаясь тем, что его застали врасплох.

Нин Чаньюань внутренне восхищался Мо Ли. Если бы это был он, то, наверное, уже выпрыгнул бы в окно, ведь побег — это главное правило жизни в мире бродяг.

— Это немного провизии. Я слышал от Цю Хун, что вы завтра уезжаете.

Нин Чаньюань держал несколько пакетов с травами, несколько лепёшек и несколько маленьких кусочков вяленого мяса.

— Даос, вы слишком любезны, в последние дни вы уже принесли много вещей, этого достаточно, оставьте лепёшки для людей на рынке. — Мо Ли не стал загораживать дверь, он жестом пригласил Нин Чаньюаня войти. Говорить у двери было слишком невежливо.

— Нет, уже поздно, я не войду. — Нин Чаньюань поспешно отказался.

Он был уверен в моральных качествах лекаря, но с другим человеком всё было не так просто.

Мэн Ци был настоящим монстром. В восприятии людей из мира боевых искусств его аура словно отсутствовала, сливаясь с окружающей средой, и было непонятно, откуда он взялся.

Нин Чаньюань почувствовал беспокойство и хотел предостеречь, но, учитывая поверхностность их знакомства, такие слова могли только разозлить.

Он колебался, затем вошёл, намеренно не глядя в сторону кровати.

— Мир неспокоен, лекарь, будьте осторожны, путешествуя по миру.

Нин Чаньюань достал из-за пазухи что-то, развернул, и оказалось, что это карта, нарисованная на промасленной бумаге.

Карта была очень подробной, на ней были изображены горы и реки, а мелким почерком были чётко обозначены провинции, округа и уезды.

— Даос? — Мо Ли слегка удивился.

Карты может нарисовать каждый, но большинство из них довольно примитивны. Такая подробная карта уже не имеет цены, ведь карты гор и рек обычно принадлежат правительству, и обычные люди не могут их просматривать.

Только в военных походах используются такие подробные карты.

Нин Чаньюань усмехнулся:

— Лекарь, не удивляйтесь, на этой карте изображено то, что известно каждому в мире бродяг, здесь нет стратегических мест для размещения войск.

Мо Ли внимательно посмотрел и увидел, что, помимо округов и уездов, чёрными точками были отмечены различные школы и штаб-квартиры.

— В мире бродяг много сил, но по-настоящему влиятельных совсем немного. — Нин Чаньюань указал на карту. — В провинции Юн есть только Врата горизонтального кулака, Храм Сокрытого Ветра, Братство красных одежд... Говорят, что глава Братства красных одежд изучил еретическую технику, они редко выходят на свет и занимаются только охраной караванов на севере. Старый мастер Чэнь из Врат горизонтального кулака известен своей

щедростью, но его ученики и потомки совершенно не оправдывают его ожиданий и запятнали его репутацию. Наиболее проблемным является Храм Сокрытого Ветра, его настоятель Чжао Цанфэн, также известный как Старый предок Цинъю, является непревзойдённым мастером в мире бродяг. Он известен уже много лет, использует железный пыльник, его техника коварна, и бесчисленное количество людей потерпело от него поражение. Этот Старый предок Цинъю также является магом, он умеет смотреть фэншуй, может избавлять от бедствий, и имеет большой авторитет среди знати. Часто люди из Тайцзина приезжают в Храм Сокрытого Ветра, чтобы попросить у настоятеля совета, поэтому Старый предок Цинъю может тайно использовать большие силы, другие бродяжки банды не смеют враждовать с Храмом Сокрытого Ветра. Это проблема, лучше избегать их.

Мо Ли всё ещё размышлял, а Мэн Ци уже заговорил:

— Вряд ли удастся избежать, молодой господин семьи Сы — ученик этого Старого предка Цинъю.

Нин Чанъюань был поражён, он никогда не слышал об этом.

Мэн Ци, который не снимал одежду, лежал на кровати, в расслабленной позе сказал:

— Я также слышал, что на юго-западе, где сейчас бушует восстание, у Наделённого Небом князя есть мастер, который также является учеником Старого предка Цинъю, поэтому все, кто пытался убить Наделённого Небом князя, потерпели неудачу.

— Как такое возможно? Откуда эти новости? — с удивлением спросил Нин Чанъюань.

— Из уст одного чиновника династии Ци.

Мэн Ци усмехнулся:

— То восстание, то заговор, что этот Старый предок Цинъю задумал? Он ведь спокойно сидит в своём Храме Сокрытого Ветра и смотрит фэншуй? Агенты Цзиньивэй, конечно, бездарны, но с таким опасным человеком они обязательно попытаются разобраться! Иначе как император на троне сможет спать спокойно?

Нин Чанъюань с горькой усмешкой ответил:

— Я всего лишь странствующий мечник, дела императорского двора мне непонятны.

Мэн Ци махнул рукой, видимо, не ожидая, что Нин Чанъюань что-то поймёт.

— ...Вы встречали людей из Храма Сокрытого Ветра в уезде Цюлин?

— Возможно, но никто из них не вернулся с докладом. — Мэн Ци равнодушно произнёс.

Мо Ли же очень заинтересовался тем, что Старый предок Цинъю был магом, который имел авторитет среди знати, вероятно, он совершил много успешных дел.

— Что эти знатные люди просили у него? Смотреть фэншуй?

— ...Эм, место для могил предков, судьбу семьи? — неуверенно сказал Нин Чанъюань. — Я не верю в это, так что не могу сказать точно, возможно, ещё и проклятия.

Мэн Ци покачал головой:

— Проклятия невозможны, слишком много людей боятся смерти. Если бы маг мог убивать на расстоянии с помощью магии, сегодня он взял бы деньги, чтобы убить для тебя, а завтра мог бы взять деньги, чтобы убить тебя, как бы знатные люди могли быть спокойны?

Говоря это, Мэн Ци наблюдал за выражением лица Мо Ли.

Казалось, когда речь заходила о фэншуй и судьбе, лекарь хмурился.

— Эти вопросы, если встретимся, тогда и разберёмся. — Мо Ли сменил тему. — Раньше я слышал, даос Нин, что вы упоминали о своей школе, кто ваш учитель?

Нин Чанъюань сначала удивился, но затем вспомнил, что эти двое сначала даже не знали его имени, и расслабился, с лёгким смущением сказав:

— Я был учеником Школы Тяньшань, несколько лет назад меня изгнали. Лекарь, не поймите неправильно, это было моё решение, и я сам распустил слух об этом в мире бродяг. Я много лет путешествую, нажил немало неприятностей, не хотел подводить свою школу.

Мо Ли склонил голову и поклонился, Нин Чанъюань поспешно ответил поклоном.

— Лекарь, что это?

— Вчера я видел пациента, молодого и сильного, он только что повредил ногу. Я слышал, что вы спасли его два месяца назад. Эта семья хочет установить для вас памятную табличку. Вы сказали ему, что вас когда-то спас господин Цинь, и он не нуждается в благодарности, поэтому вы теперь спасаете других и надеетесь, что он тоже поможет кому-то в будущем.

— Это... — Нин Чанъюань смущённо сказал, — В первый день нашей встречи я сказал это, надеюсь, что таких людей станет больше, надеюсь, что однажды мир изменится. Это моё личное

желание.

Мо Ли глубоко посмотрел на него и сказал:

— Нет, увидеть своими глазами и услышать — это разные вещи.

— Я не говорю это каждому, но по сравнению с другими простыми людьми он ещё молод, в его семье несколько работников, жизнь немного легче, и у него есть силы помочь другим. Если бы это была тётушка Инь, такие слова только добавили бы ей беспокойства. Она сама живёт трудно, даже дорогу не видит, как она может помочь другим?

— В мире мало тех, у кого есть силы, и много тех, кто страдает.

— Те, у кого чистое сердце, не могут спасти даже себя.

Нин Чаньюань вздохнул и усмехнулся:

— Иногда я думаю, что, возможно, это испытание мира, такова воля небес, и то, что делают люди, — это лишь ничтожные брызги в океане.

Мэн Ци хотел что-то сказать, но сдержался.

Наблюдая за уходящей фигурой Нин Чаньюаня, Мэн Ци почувствовал необъяснимую грусть.

— Брат Мэн?

Мэн Ци очнулся, ответил и заметил странное выражение на лице Мо Ли.

— Брат Мэн, у меня нет никаких намерений по отношению к даосу Нину. — объяснил Лекарь Мо.

— ...

<http://bllate.org/book/15299/1351842>